

УДК 94(470) "1150/15"

КРЕВСКАЯ УНИЯ 1385 ГОДА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© А.М.Столяров

В статье анализируются взгляды русских историков XIX – начала XX века на Кревскую унию 1385 года.

Ключевые слова: русская историография XIX – начала XX века, Кревская уния 1385 года

Польско-литовские унии всегда находились в центре внимания исследователей. Без обращения к ним невозможно сформировать полноценное представление о международной ситуации в Прибалтике в XIV – первой половине XV века. Агрессия Тевтонского ордена сплотила два объекта его нападений (Польское королевство и Великое княжество Литовское), что обернулось в итоге изменением в расстановке политических сил в регионе. Кроме того унии имели большое значение и для внутренней жизни обоих участвовавших в них государств. С Кревской унией связана христианизация Литвы и возникновение поликонфессионального пространства в Великом княжестве Литовском. Этот факт в настоящее время признается и литовской, и польской историографией. Кревская уния принесла Польше новую династию Ягеллонов, при которой это государство достигло своего расцвета.

Первоначально в русской историографии Кревская уния считалась событием, которое не имело значительных последствий для средневековой Руси. Это видно при обращении к взглядам Н.М.Карамзина. Так как Великое княжество Литовское для него было соседним чужим государством, историк лишь упомянул о факте принятия Кревской унии. В тоже время Н.М.Карамзин отметил, что с момента своего крещения "Ягайло сделался гонителем греческой веры" [1: 57]. Таким образом, для историка была важна только религиозная сторона Кревской унии, Н.М.Карамзин первым оценил ее как начало притеснения православия.

Неотъемлемой частью истории России заключение Кревской унии сделал Н.Г.Устрялов. Это событие стало одним из главных элементов его концепции истории Великого княжества Литовского. В его концепции именно с Кревской унии начиналось польское влияние на средневековую Россию, на ее западную "половину". Исходя из противопоставления католической Польши и русского православного Великого

княжества Литовского, Н.Г.Устрялов не видел никаких оснований для их сближения в конце XIV века. Сам факт унии он считал случайным совпадением обстоятельств – отсутствием жениха для польской королевы Ядвиги и честолюбием великого князя литовского Ягайло, который желал занять еще один престол. Именно эта случайность, по его мнению, предопределила всю последующую историю Великого княжества Литовского, которое в результате заключения Кревской унии объединилось с Польшей и утратило самостоятельность. По мнению Н.Г.Устрялова, Польша в 1385-1386 годах "оторвала" от Руси ее исконную территорию. Начавшаяся с 1385 года борьба за сохранение своей веры со стороны православных, по его мнению, не имела шансов на успех. Причины такой безысходности Н.Г.Устрялов усматривал в покорности православного населения своим князьям. В этой идее отчетливо проступал монархизм историка, в представлении которого народ всегда подчиняется воле и желаниям монарха, даже если последний переходит в другую веру.

Устряловская трактовка оказала значительное влияние на взгляды последующих поколений историков. С.М.Соловьев, говоря в "Очерке истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу" о Кревской унии, оценивал действия Ягайло в рамках идей Н.Г.Устрялова: "Ягайло изменил своему отечеству, принеся свои интересы в жертву интересам чуждым" [2: 21]. С 1386 года, по мнению историка, между Польшей и Русью "началась борьба за независимость, за народность" [2: 23]. Этот тезис С.М.Соловьев повторил уже в "Истории России с древнейших времен" [3: 294].

Вместе с тем, в его взглядах появились новые моменты. В "Очерке истории Малороссии..." историк, наряду с честолюбием Ягайло отметил у него стремление избавиться от соперничества в Литве с Витовтом путем переезда в Польшу после Кревской унии. Данный тезис историка был

необдуманным. До 1385 года именно Ягайло занимал Вильно, а Витовт был вынужден обращаться к крестоносцам для борьбы с великим князем. Таким образом, Ягайло занимал более выгодную позицию, чем Витовт, и у великого князя не было необходимости оставлять Литву своему сопернику. В данном случае важен сам ход рассуждений С.М.Соловьева, который рассматривал действия Ягайло в рамках проходившей в то время внутривосточной борьбы в Литве за великокняжеский стол. В подобном контексте и значение Кревской унии для Литвы могло быть сужено только до этих рамок.

Возникновение новых элементов в системе взглядов на польско-литовские унии было связано, на наш взгляд, с общими сдвигами, происходившими в отечественной исторической науке в XIX веке под влиянием позитивизма с его установками на устранение из исследований субъективных моментов, с многофакторным подходом к историческому прошлому и вниманием, прежде всего, к политической истории. Проникновение этой исследовательской программы в российскую историческую науку и влияние ее на результаты конкретных исследований могло привести к различным последствиям. В том числе, к сосуществованию во взглядах историков новых результатов с традиционными подходами.

Это отмечается в трудах М.О.Кояловича. В его взглядах на Кревскую унию можно выделить разные уровни исторического повествования. Первый уровень наполнен идеями, почерпнутыми из концепции Н.Г.Устрялова [4: 10]. Однако при этом историк высказал идеи, которые позволяют говорить о наличии нового уровня осмысления им данной проблемы. М.О.Коялович первым среди российских историков выделил объективные причины для сближения Великого княжества Литовского с Польшей в конце XIV века. Он их увидел в геополитических условиях. Великое княжество Литовское на всех направлениях граничило с гораздо более сильными, как считал историк, соседями: Московской Русью, Польшей, Тевтонским Орденом, Золотой Ордой. К концу XIV века обнаружилась невозможность для Великого княжества Литовского существовать самостоятельно и оно по необходимости должно было присоединиться к какому-либо одному из этих политических образований [4: 7]. Вместе с тем М.О.Коялович не доказал этот тезис, он не проанализировал всесторонне внешнеполитическую ситуацию, в которой оказалось Великое княжество Литовское в это время, поэтому его утверждение выглядело несколько голословно.

Исследователь считал Кревскую унию не полным объединением двух государств, а внешнеполитическим союзом, направленным против крестоносцев. Великое княжество Литовское от Кревской до Люблинской унии представлялось М.О.Кояловичу "не более как политический союз двух государств, объединявшихся общими внешними интересами и одним государем" [4: 208]. Это был новый подход к Кревской унии. Он разрешал существовавшее в традиционной ее трактовке противоречие. Так как объединение в 1385 году Великого княжества Литовского и Польши считалось Н.Г.Устряловым реальным и окончательным, то становилось непонятно, для чего тогда полякам и литовским князьям потребовалось заключать Городельскую унию в 1413 году, и тем более Люблинскую унию в 1569 году. Сам факт их заключения мог свидетельствовать о том, что договор, подписанный в замке Крево в 1385 году, не означал полного слияния Великого княжества Литовского и Польши, что и вытекало из слов М.О.Кояловича.

Идеям Н.М.Карамзина и Н.Г.Устрялова об агрессивной позиции Польши по отношению к православию М.О.Коялович противопоставил тезис о том, что инициатором в распространении в Литве католицизма стала именно литовская сторона. Ягайло пошел на этот шаг для того, чтобы лишить крестоносцев идеологического обоснования экспансии против Великого княжества Литовского. Таким образом, интересы церкви выступали в построениях историка не только как внутренний фактор, но еще и в качестве средства ведения внешней политики, которое умело использовалось светской великокняжеской властью.

На других страницах своего труда историк обратил внимание на конфликт между Ягайло и Витовтом в их борьбе за великокняжеский стол в конце 1370-х – первой половине 1380-х годов. По его мнению, в Кревской унии 1385 года Ягайло нашел внешнего союзника в лице польских магнатов с целью окончательной победы над Витовтом и укрепления своей власти в Литве. В этой идее историка прослеживалась та же тенденция, что и по вопросу о принятии в Литве католицизма – внешняя сила привлекается одной из противоборствующих сторон для решения внутривосточных проблем. Все новые идеи М.О.Кояловича не были объединены им в систему и не повлияли на трактовку основополагающих элементов концепции истории Великого княжества Литовского. Наличие же в его взглядах влияния идей Н.Г.Устрялова не позволяет утверждать, что М.О.Коялович предложил концептуально новую трактовку Кревской унии.

Идеи, возникшие в первой половине XIX века, продолжали определять в российской историографии оценку польско-литовских уний и в 1880-е годы. Наиболее отчетливо это проявилось в монографии Н.П.Дашкевича "Заметки по истории Литовско-Русского государства". По его мнению, Кревская уния открыла в истории Великого княжества Литовского период "агонии около двух веков" [5: 109]. Н.П.Дашкевич солидаризировался с Н.Г.Устряловым в вопросе о последствиях унии, главным из которых он считал принятие в Великом княжестве Литовском католицизма. Поэтому всю последующую внутривнутриполитическую борьбу в княжестве автор выводил из религиозных противоречий между двумя народностями: "Различие религиозных исповеданий начало отзываться политической рознью" [5: 119].

Определенную эволюцию идей можно проследить в труде Д.И.Иловайского "История России". Во втором томе автор уже не однократно, как М.О.Коялович, а несколько раз акцентировал внимание на внешнеполитических мотивах заключения Кревской унии. При анализе обстоятельств ее заключения Д.И.Иловайский отвел одно из ведущих мест внутривнутриполитическим интересам Польши. Он отметил наличие в Польше в начале 1380-х годов двух политических группировок, из которых только одна ("вельможи Малой Польши") выступала за приглашение на польский трон Ягайло. Таким образом, в Польше не было единодушия относительно кандидатуры литовского князя. В ориентации же на Ягайло, согласно Д.И.Иловайскому, нельзя усматривать исключительно стремление подчинить Литву. Не менее важную роль в приглашении Ягайло на польский трон играли внутренние интересы Польши. Дело в том, что когда польским королем был Людовик Венгерский, то он присоединил Червонную Русь (Галицкую Русь) непосредственно к Венгрии, что вызвало недовольство в среде малопольской знати. С приглашением Ягайло на королевский трон она надеялась с помощью литовцев вернуть под сюзеренитет Польши галицкие земли.

Главным же мотивом поляков Д.И.Иловайский считал внутренние социально-политические интересы всей польской знати. "Польские магнаты... не ошиблись в своих расчетах на увеличение собственных привилегий ... благодаря щедрости будущего короля, обязанного им польской короной" [6: 171], – писал историк. Таким образом, Кревская уния в его взглядах представляла собой многоаспектное политическое событие, затрагивавшее как внешние, так и внутренние интересы договаривающихся сторон. Правда, ес-

ли у польской стороны историк отмечал и те, и другие мотивы, то за Ягайло Д.И.Иловайский признавал только внешнеполитические и личные мотивы. Однако последствия Кревской унии для Великого княжества Литовского он оценивал уже традиционно. Русские земли были недовольны переходом великого князя в католичество, и начали борьбу против Ягайло.

Рассмотренные выше идеи российских историков XIX века позволяют говорить о существовании определенной традиции в отечественной историографии Кревской унии. Ее ключевыми моментами были следующие положения. Во-первых, уния трактовалась как результат агрессивного давления Польши на Великое княжество Литовское. Последнее рассматривалось в качестве пассивной стороны, незаинтересованной сколько-нибудь в заключении унии. Мотив подписания Кревского акта со стороны Литвы считался в основном субъективным и в большинстве случаев не рассматривался как производный от сложившихся в конце XIV века внутри – и внешнеполитических условий (отступлением от традиции являлись взгляды Д.И.Иловайского). Кревская уния, по взглядам представителей данной историографической традиции, открывала новый этап в истории Великого княжества Литовского. Он характеризовался ослаблением его могущества вследствие начала внутри государства периода противостояния между православными и католиками. В рамках данной традиции уместились идеи различных по своим историческим взглядам российских историков (Н.Г.Устрялова, С.М.Соловьева, М.О.Кояловича). Часть из них привнесла в историографию Кревской унии и свои собственные суждения, которые несколько выходили за рамки сформировавшихся представлений, но в целом они не нарушили основных положений созданной концепции.

В российской историографии Кревской унии к концу XIX века сложилась следующая ситуация. Часть русских историков отмечала наличие в Польше определенных объективных внутренних проблем, решение которых связывалось с Кревской унией. В то же время давно доказанное существование подобных проблем в Великом княжестве Литовском в 1380-е годы в большинстве работ не соотносилось с договором в Крево в 1385 году. Кревская уния в русской историографии рассматривалась, за редкими исключениями, в рамках агрессивных действий Польши по отношению к Великому княжеству Литовскому.

Данный пробел попытался устранить М.К.Любавский в своей докторской диссертации "Литовско-русский сейм...", вписав Кревскую

унию во внутривеликую ситуацию в Великом княжестве Литовском. Главными сторонниками Кривской унии он объявил не только Ягайло, но и удельных князей Гедиминовичей [7: 15]. Вместе с тем мотивы их политического поведения трактовались М.К.Любавским достаточно противоречиво. Он считал, что удельные князья после подписания унии получали бы большую свободу в своих действиях вследствие отвращения теперь уже польского короля Ягайло от управления Великим княжеством Литовским. Согласно историку, выходило, что всего лишь недостаточный контроль со стороны великого князя Ягайло за удельными князьями повлек за собой важные изменения. Полученная свобода неожиданно привела к удельным междоусобицам. Против распада Великого княжества Литовского на полностью независимые государства выступило литовское боярство, до того момента, по мнению М.К.Любавского, пребывавшее в тени и не участвовавшее в государственном управлении, которое было сосредоточено в руках князей династии Гедиминовичей. Литовская знать стремилась сохранить целостность создаваемого десятилетиями государства. Выразителем этих стремлений выступил Витовт, восстановивший единство Великого княжества Литовского после борьбы с удельными князьями.

На слабые моменты в схеме М.К.Любавского указал М.В.Довнар-Запольский, который, в отличие от М.К.Любавского, в качестве активной политической силы выдвинул литовское боярство, а не удельных князей: "литовская знать, вопреки уверениям Любавского, принимала участие в управлении государством ... знать и раньше имела политическое значение, хотя еще не получила юридического признания" [8: 456]. Поэтому, с точки зрения М.В.Довнар-Запольского, Ягайло принял решение вступить на польский трон, прислушиваясь к мнению окружающего его боярства, которое первоначально поддержало великого князя в его сближении с Польшей. Данные источников говорили в пользу точки зрения М.В.Довнар-Запольского. Так, в "Летописи великих князей литовских", являвшейся частью Слуцкой летописи, содержался эпизод о приглашении поляками Ягайло на польский трон. Перед тем как согласиться на это предложение, Ягайло "свет сотворил со матерью своею, великою княгиней Ульяною, и з братею своею, и со всеми князьями и **бояры Литовския земли** <выделено автором – А.С.>, и поехали Кракову" [9: 69].

Однако с момента заключения Кривской унии интересы литовского боярства и Ягайло разошлись. Присоединение Литвы в акте Кривской

унии к Польше стало невыгодно для литовского боярства, и возникшим в его среде недовольством воспользовался Витовт, который преследовал личную политическую цель – стать великим князем. Итогом борьбы за великокняжеский престол в Литве стало соглашение между Ягайло и Витовтом в Островно в 1392 году, по условиям которого Великое княжество Литовское сохраняло свою независимость, а Ягайло оставался только польским королем. В построениях М.В.Довнар-Запольского литовское боярство играло активную роль и до, и в ходе заключения Кривской унии, что противоречило идеям М.К.Любавского.

М.К.Любавский отреагировал на критику в 1910 году. В "Очерке истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно" он представил совершенно иное понимание Кривской унии, близкое положениям М.В.Довнар-Запольского. Теперь он разграничил формально-юридическое содержание акта Кривской унии и последующее развитие ситуации в княжестве, опираясь на положения своих предшественников. М.К.Любавский и в первом, и во втором издании своего "Очерка истории Литовско-Русского государства..." фактически повторил идею, первоначально высказанную еще М.О.Кояловичем о том, что Ягайло вступил в унию с Польшей для решения внутренней проблемы – победы над политическими соперниками. Правда, М.О.Коялович имел в виду только одного Витовта, а М.К.Любавский говорил о "мятежных областных князьях". Ягайло, по его мнению, стремился "в единении с Польшею ... укрепить свое положение в Великом княжестве Литовском" [10: 74]. Поскольку это положение М.К.Любавскому представлялось "шатким", постольку историк и говорил о значительных уступках Ягайло Польше в договоре в Крево 14 августа 1385 года.

Следует сказать, что М.К.Любавский преувеличивал опасность ослабления великокняжеской власти накануне заключения Кривской унии, когда писал, что "Ягайло и Скиргайло **уже не под силу** <выделено мной – А.С.> становилось вести борьбу зараз и с внешними, и с внутренними врагами" [10: 73]. К 1385 году Витовт уже подчинился Ягайло благодаря сделанным великим князем уступкам. Витовт вместе с Ягайло престил в 1387 году Литву и участвовал в возвращении Червонной Руси Польше. Обязательства же, данные Ягайло в 1385 году, вряд ли можно считать вынужденными уступками, как писал М.К.Любавский. Принятие Литвой католичества не было ни уступкой Польше, ни тактическим

шагом, направленным на лишение крестоносцев идеологического обоснования походов на Литву.

М.К.Любавский считал вынужденной уступкой Польше обязательство Ягайло присоединить Великое княжество Литовское к Короне Польской. С точки зрения современных данных для великого князя, ставшего одновременно королем, ситуация кардинально не менялась. Ягайло не расставался со своей властью в Литве в пользу поляков, следовательно, статью Кревского акта о присоединении Литвы и Руси к Польше считать, вслед за историком, вынужденной уступкой было бы неправомерно. М.К.Любавский оказался прав в том, что Ягайло в акте Кревской унии потенциально оттеснял от власти литовскую знать. Историк писал: "Эта уния уничтожила самобытность Великого княжества Литовского, сделав его частью Польши, и оттеснила от великого князя его слуг, заменив их поляками" [10: 77]. Эта точка зрения полностью совпадает с взглядами на Кревскую унию в современной литовской историографии: "Замена литовских исполнителей польскими ... грубо нарушала нормы, привычные литовской феодальной элите... Литва превращалась в провинцию Польши" [11: 176]. Зреющее недовольство возглавил Витовт, который в ходе борьбы с наместником Ягайло в Литве Скиргайло в 1389-1392 годах добился признания себя великим князем по договору в Островно в 1392 году. Кревский договор, по мнению М.К.Любавского, через семь лет после его заключения был значительно изменен: "Островское соглашение положило начало восстановлению независимости Великого княжества Литовского" [10: 78]. Такое понимание М.К.Любавским событий 1385-1392 годов также близко современной оценке. Кревская уния могла стать началом подчинения Великого княжества Литовского Польше, но не стала им. Следовательно, если эта уния и была началом польского давления на Великое княжество Литовское, как считалось в российской историографии на протяжении большей части XIX века, то степень этого давления, как убедительно показали труды М.В.Довнар-Запольского, М.К.Любавского, была не столь значительна.

Подводя итоги, можно сказать, что в начале XX века концептуальные идеи, которые были присущи прежней историографической традиции, в новых исследованиях были пересмотрены. В трудах М.К.Любавского и М.В.Довнар-Запольского было предложено новое понимание истории Кревской унии. На первый план вышло выявление интересов различных групп внутри правящего социального слоя, которым вынуждены были подчиняться политические лидеры в процессе заключения унии с Польшей. Приоритет изучению интересов политической элиты в ходе реализации уний, безусловно, способствовал более глубокому пониманию и раскрытию темы по сравнению с приписыванием всех заслуг (позитивных и негативных, явных и мнимых) Ягайло.

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: Наука, 1993. – Т.V. – 560 с.
2. Соловьев С.М. Очерк истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу. – СПб., 1849. – 118 с.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. – М.: Мысль, 1988. – Кн.П. Т.3. – 768 с.
4. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. – М.: Тип. СПб. Дух. Академии, 1864. – 393 с.
5. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. – Киев: Тип. Киев. Имп. ун-та им. Св. Владимира, 1885. – 192 с.
6. Иловайский Д.И. История России. Московско-литовский период. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1884. – Т.2. – 587 с.
7. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1900. – 850 с.
8. Довнар-Запольский М.В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – №10. – С.454-498.
9. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980. – Т.35. – 306 с.
10. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – СПб.: Наука, 2004. – 312 с.
11. Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времен до 1569 года. – М.: Baltrus, 2005. – Т.1. – 680 с.

1385 UNION OF KREWO IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY (THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

A.M.Stolyarov

In this article we analyze the views of Russian historians of the 19th – the beginning of the 20th century on the Union of Krewo in 1385.

Key words: Russian historiography of the 19th – the beginning of the 20th, the 1385 Union of Krewo

* * * * *

Столяров Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета

E-mail: stoljarov07@mail.ru